

К ХРОНОЛОГИИ НОВГОРОДСКОГО ЛЕТОПИСАНИЯ
ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIII в.

Летом 1978 г. на Городище под Новгородом А. Ф. Петровым была найдена, а затем передана в Новгородский музей свинцовая вислая печать с поясным изображением Богоматери, обозначенной обычными титлами МР ΘУ, на одной стороне и надписью в четыре строки — на оборотной:

ЛАЗО
РЕПИС
-УПЪСМ-
--НЪСК--

т. е. «Лазор епис[к]упъ См[оле]пъск[ни]».

Очевидные стилистические и эпиграфические признаки этой буллы, датирующие ее домонгольским периодом, и отсутствие систематических сведений о Смоленске, вызванное тем, что памятники смоленского летописания не сохранились до настоящего времени, придают особое значение новой находке, заслуживающей поэтому и отдельной публикации.

Известия, касающиеся ранней истории смоленской епархии, особенно фрагментарны. Ипатьевская летопись говорит об основании епископии в Смоленске под 1136 г.: «поставлен бы[сть] скопечь Мануило епископом Смоленску, певечь гораздыи, иже бе пришел из Грек сам третии к благолюбивому князю Мьстиславу; пред сим бо не был епископ Смоленське».¹ В 1147 г. Мануил участвовал в соборе епископов, поставившем на киевскую митрополию Климасмолятича, резко возражая вместе с новгородским и полоцким епископами против правомочности этого постановления.² К 30 сентября 1150 г. относится подтверждающая грамота Мануила к уставной грамоте князя Ростислава Мстиславича, регулирующей правовое положение смоленской епархии.³ Под 1156 г. он снова упоминается в связи с отвержением Климасмолятича от митрополии: «тогда же митрополит Костянтин приде ис Царягорода, и прия и князь Дюрги с чеством, и Полоцкий епископ и Мануил Смоленский епископ, иже бегал перед Климом».⁴ Думаю, что бегство Мануила от Климасмолятича относится к тому моменту, когда в 1149 г. митрополит пытался расправиться с неугодными ему епископами, заточив в Печерский монастырь новгородского

¹ ПСРЛ. СПб., 1908, т. 2, стб. 300 (под 6645 г.); ср.: *Бережков И. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963, с. 137.

² ПСРЛ, т. 2, стб. 340—341.

³ Памятники русского права. М., 1953, вып. 2, с. 43.

⁴ ПСРЛ, т. 2, стб. 485.

епископа Нифонта,⁵ и окончилось с вокпяжением в Киеве Юрия Долгорукого, противника Клина, в 1150 г. Последний раз Мануил упомянут в летописи под 1168 г., когда он участвовал во встрече приехавшего в Смоленск князя Ростислава Мстиславича.⁶

Год смерти или ухода с кафедры Мануила неизвестен. Под 1180 г. летопись называет в Смоленске иного епископа — Константина, который встречал тогда князя Давыда Ростиславича, а затем погребал его брата — смоленского князя Романа.⁷ Давыд Ростиславич умер в 1197 г., и его тело хоронил смоленский епископ Симеон.⁸

Еще один смоленский епископ упомянут под 1206 г., однако летописи не называют его имени. В Лаврентьевской летописи, рассказывающей о смерти жены Всеволода Большое Гнездо княгини Марии в указанном году, говорится, что при ее погребении довелось быть также «и епископу Смоленскому, и игумену Михаилу Отрочьего монастыря, в то время пришедшема има к великому князю Всеволоду молится о мире от Мстислава, свата его».⁹ В Радзивилловской летописи это известие, неверно осмысленное, превратило безымянного епископа в Михаила: «и Смоленському епископу Михаилу, и игумену Отрочего монастыря».¹⁰

Такова сумма достоверных известий о смоленских епископах ранней поры. Следующее имя появится в летописи только под 1356 г., когда на смоленскую кафедру был поставлен Феофилакт.¹¹ Между тем А. Ф. Бычков и Н. П. Барсуков оперировали еще одним смоленским епископским именем — Игнатий, связывая именно с ним летописный рассказ о событии 1206 г.¹² Особо оговариваю это обстоятельство, поскольку признавать смоленского епископа 1206 г. Игнатием стало давней традицией, использованной еще В. О. Ключевским в его работе 1871 г., где отмечено, что Игнатий «только однажды упомянут в летописи под 1206 г.».¹³ По всей вероятности, указанное отождествление было предпринято на основании Жития Авраамия Смоленского, в котором сообщается, что Авраамий был посвящен в иеромонахи во времена «князя смоленского и всей русской земли Мстислава»,¹⁴ под которым В. О. Ключевский понимал Мстислава Романовича, княжившего в Смоленске с 1197 до 1214 г., а затем в Киеве до 1224 г.; огнесения же на Авраамия и посвящение его в сан архимандрита отнесены в Житии ко времени смоленского епископа Игнатия.

⁵ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950 (далее — НПЛ), с. 28, 214.

⁶ ПСРЛ, т. 2, стб. 528.

⁷ Там же, стб. 616.

⁸ Там же, стб. 702.

⁹ ПСРЛ, Л., 1927, т. 1, вып. 2, стб. 425; СПб., 1856, т. 7, с. 112.

¹⁰ ПСРЛ, т. 1, вып. 2, стб. 425, примеч.

¹¹ ПСРЛ, СПб., 1859, т. 8, с. 10, 27.

¹² Указатель к первым восьми томам ПСРЛ. СПб., 1898, отдел 1, с. 337.

¹³ *Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник*. М., 1871, с. 56.

¹⁴ Тексты Жития Авраамия Смоленского в публикации С. П. Розапова см.: Памятники древнерусской литературы. СПб., 1912, вып. 1.

Между тем агнограф Авраамия и его ученик Ефрем утверждает, что Авраамий монашествовал около 50 лет. Поскольку Житие написано во время ордынского нашествия (в послесловии Ефрем молит бога «испровергнуть нашествия поганых измаильских язык»), копчину Авраамия, таким образом, возможно отнести к 20-м или 30-м гг. XIII в., а начало его деятельности — к 70-м или 80-м гг. XII в. Поэтому нет никаких препятствий к тому, чтобы понимать под «князем смоленским и всей русской земли Мстиславом» не Мстислава Романовича, а Мстислава Ростиславича Храброго, который в 1174 г. владел Киевом, а в 1175—1178 гг. был смоленским князем. Когда в 1178 г. его пригласили повгородцы на свой стол, он заявил сначала отказ, не желая «йти из Рускои земли, из отчины своее», но был убежден братьей и дружиной, спросившими: «а тамо чи не наша отчина?».¹⁵ Если это так, то и посвящение Авраамия в архимандриты, и, следовательно, время деятельности епископа Игнатия могут быть отнесены не обязательно к 1206 г., а, например, к 80—90-м гг. XII в., т. е. к промежутку между епископствами Константина и Симеона, или же к последним годам XII в., если он был преемником Симеона.

В Житии Авраамия Смоленского упомянут и епископ Лазарь, который во времена Игнатия был иереем. Этот особенно интересный в связи с новгородской паходкой иерарх известен и в еще одном литературном источнике, содержащем важное относительно Лазаря хронологическое указание. Имею в виду Киево-Печерский патерик, конкретно Послание владими́ро-суздальского епископа Симона печерскому черноризцу Поликарпу: «пишеть бо ми княгиня Ростиславляя Верховслава, хотящи тя поставлена быти епискупомь или Новугороду на Антониево место, или Смоленьску на Лазарево место, или Юрьеву на Олексеево место, и ащи ми рече, и до тысячи сребра расточити тебе ради и Поликарпа».¹⁶ Из этого известия очевидно, что смоленская кафедра стала вакантной после Лазаря тогда же, когда новгородская кафедра была вакантной после Антония (юрьевский епископ Алексей в других источниках не известен вовсе). Что касается владимирского епископа Симона, то он, будучи поставлен на кафедру в 1214 г., умер 22 мая 1226 г.,¹⁷ и этот факт, как увидим, является наиболее важным для датировки его послания Поликарпу.

Рассмотрим хронологию архиепископств Антония, не лишенную противоречий в ее летоиспом изложении. Антоний дважды занимал новгородскую кафедру: первый раз — после Митрофана, вторично — после нехиротонисанного Арсения. Он умер 8 октября 6740 г.,¹⁸ что соответствует 1232 г., поскольку под следующим, 6741 г. в рассказе о смерти князя Федора Ярославича присут-

¹⁵ ПСРЛ, т. 2, стб. 606—607.

¹⁶ «Изборник». (Сборник произведений литературы Древней Руси). М., 1969, с. 290.

¹⁷ ПСРЛ, т. 1, вып. 2, стб. 448.

¹⁸ НПЛ, с. 72, 281—282.

ствуется полная календарная дата: «месяца июня в 10, на память святого отца Тимофея, в пяток, в 1 час дни».¹⁹ 10 июня приходилось на пятницу в 1233 г.

В рассказе о смерти Антония сообщается: «Сии блаженны архиепископ Антоний прежде изгнания седивши в епископии лет 8 по Митрофане, а в изгнании лет 6; посем прииде ис Перемышля в Новьград, седивши два лета, и разболеся велми и бысть нем месяца марта в 17, на память святого Алексея человека божия. Пребысть же в болезни той и опемев и ничто же глаголя лет 6 и 7 месяц и днии 9, и тако преставися в небесное царство, душа убо его взиде на небеса, мощи же его положены быша честно у святых Софея в притворе, при благоверном и великом князи Ярославе сыне Всеволожи, и при архиепископе Спиридоне».²⁰

Противоречивость этого сообщения состоит в следующем. Если Антоний был нем на протяжении 6 лет 7 месяцев и 9 дней, значит, его болезнь случилась 27 февраля 1226 г., что соответствует концу мартовского 6733 г. и никак не совпадает с указанной в летописи календарной датой начала его болезни — 17 марта. Напротив, к концу мартовского 6733 г. относится летописное известие не о болезни, а о начале второго архиепископства Антония: «прииде архиепископ Антоний ис Перемышля в Новьгород и седе на своем столе, и ради быша новгородци своему владыце».²¹ Цитированный выше рассказ-некролог утверждает, что до болезни Антоний занимал кафедру на протяжении двух лет. Действительно, летописный рассказ 6736 г. начинается сообщением: «поиде архиепископ новгородчкы владыка Антоний на Хутино к святому Спасу по свои воли». В следующей фразе говорится о событии, случившемся на Спасов день, т. е. 6 августа.²² Следовательно, у нас имеются все основания связывать уход Антония по немощи с первыми месяцами мартовского 6736 г., соответствующими весне 1228 г., которая отделена от начала второго архиепископства Антония ровно двумя годами. Поэтому начало болезни Антония следует относить к 17 марта 1228 г., а 27 февраля 1226 г. датировать повторное занятие им кафедры.

Дальнейшие события 1228 (6736) и следующих годов связаны уже с болезнью Антония. В 1228 г. «паиде дождь велик и день и ночь, на Госпожин день, даждь и до Николина дни» (т. е. с 16 августа до 6 декабря), «ни сена бьшет людем лзя добыти, ни уделати», что вызвало восстание новгородцев: «и въздвиже на Арсения, мужа кротка и смирела, крамолу велику, простую чадь. И створиша вече на княжи дворе, и поидоша на владычен двор, глаголюще сице: „того ради стоит тепло долго, выпровадил Антония владыку на Хутино, а сам сел, давши князю мзду“; акы злодея пыхающе в шию, выгнаша; и на мале ублюде бог от смерти: затворися в церкви святых Софея, иде па Хутино. И заутра выве-

¹⁹ Там же, с. 282.

²⁰ Там же, с. 72. 281—282.

²¹ Там же, с. 64, 269.

²² Там же, с. 65, 270.

доша опять в двор Антониа архиепископа и посадиша с ним 2 мужа: Якуна Моисеевича, Микифора щитника».²³ В 1229 (6737) г. князь Михаил Всеволодович, пришедший в Новгород из Чернигова «по велице дни на Фомине недели» (т. е. между 22 и 28 апреля), заявил: «се у вас нету владыце, и несть лепо быти граду сему безо владыце, аще бог казнь свою възложи на Антониа» — и предложил избрать нового владыку. Тогда же был избран Спиридон, который 17 февраля 1230 г. был поставлен в попы, а 24 февраля («на збор по чистой недели») — в архиепископы. Уехав из Повгорода на поставление в Киев 17 декабря 1229 г., он вернулся 19 мая 1230 (6738) г.²⁴

Составленный в XV в. летописный реестр «А се архиепископы» дает неверную схему занятия Антонием новгородской кафедры после возвращения из Перемышля: «И опять Антонии бе 3 лета, и сьиде на Хутино. И опять Арсении седе во дворе в владычнє»; далее следует описание событий декабря 1228 г., после чего сообщается: «и заутра възведоша в двор опять Антониа архиепископа, и седев 2 лета, и разболея велми, и опемев па Алексеев день, бысть в болезни тои не глагола лет 6 и месяц 7 и 9 дни, и преставися, и положен бысть у святеи Софии в притворе».²⁵ Мы видим здесь формальную обработку летописной хронологии. Указание на 3 года (вместо 2 лет) возникает из того, что занятие кафедры Антонием после его возвращения из Перемышля описано в НПЛ под 6733 г., а его уход в Хутынъ — под 6736 г. Летописное указание о введении во владычен двор немого Антониа относится к 6736 г., а хиротония Спиридона описана под 6738 г., что побудило автора реестра говорить о двух годах «третьего архиепископства» Антония.

Обратимся теперь к более ранним событиям. Рассказ-некролог определяет продолжительность «изгнания» Антония, т. е. его епископства в Перемышле, в 6 лет. Если Антоний вернулся на новгородскую кафедру, как установлено выше, 27 февраля 1226 г., то начало его «изгнания» относится к первым месяцам 1220 г., т. е. к концу мартовского 6727 г. или к началу мартовского 6728 г. Действительно, в НПЛ рассказ 6728 г. начинается сообщением: «Прииде архиепископ Митрофан, оправивъся богом и святою Софеею, в Новъгород марта в 17, на память святого отца нашего Семеона иже в Персиде; а Антониа митрополит у себе держи в чести, и вда ему епископью в Перемышле».²⁶ В Синодальном списке, в отличие от процитированного более позднего Комиссионного, нет указания на церковный праздник, по называется тот же день — 17 марта. Симеон Перс празднуется не 17 марта, а 17 апреля, но поскольку эта ошибочная отсылка имеется только в позднейшем своде, вряд ли на ее основании нужно датировать приход Митрофана в Новгород апрелем, а не мартом.

²³ Там же, с. 66—67, 272—273.

²⁴ Там же, с. 68—69, 274—276.

²⁵ Там же, с. 474.

²⁶ Там же, с. 60, 261.

Н. Г. Бережков ошибался, относя события описанного в НПЛ мартовского 6728 г. к 1219 г. и полагая, что о подлинном 6728 мартовском годе в ней нет указаний.²⁷ Рассмотрим его аргументацию.

В рассказе НПЛ за 6728 г. имеются две календарные даты: 17 марта, когда в Новгород пришел с поставления Митрофан, и 8 февраля, когда принял пострижение посадник Твердислав. Исследователь полагал, что сама важность этих событий требовала, чтобы они были приурочены к воскресным дням. Это неверно. Нифонт пришел в Новгород с поставления 1 января 1131 г., а этот день приходился на четверг; Аркадий — 13 сентября 1158 г., т. е. в субботу; Илия — 11 мая 1165 г., т. е. во вторник; Гавриил — 31 мая 1187 г., т. е. в понедельник; Мартирий — 16 января 1194 г., т. е. в понедельник.²⁸ Что касается признания 8 февраля воскресным днем 1220 г. (о пострижении Твердислава говорится в конце рассказа за 6728 г.), то это явное недоразумение. В 1220 г. 8 февраля приходилось на субботу (а в 1219 г. — на пятницу).

Если принять вывод Н. Г. Бережкова, получится, что Антоний был на перемышльской кафедре 7 лет. Между тем Митрофан умер 3 июля 6731 г.: «в то же лето преставися архиепископ новгородчкыи Митрофан месяца июля в 3, на память святого мученика Аукинфа, понедельнику осветающую... Того же дни въведоша в двор Арсения инока из обители святого Спаса Хутиньскаго, мужа добра и зело боящагося бога».²⁹ 3 июля в 1223 г. приходилось на понедельник. Это архиепископство Митрофана, таким образом, продолжалось 3 года 3 месяца и 16 дней, что соответствует и сведениям реестра «А се архиепископы»: «а Митрофан опять бе владыкою 3 лета и 4 месяца и преставися июля в 3». Преемник Митрофана Арсений, как мы только что прочли, был введен на сени 3 июля 1223 г., он был сменен Антонием 27 февраля 1226 г., пробыв в нареченных владыках 2 года и 8 месяцев. Реестр «А се архиепископы» округляет его срок до двух лет только потому, что не знает точной даты начала архиепископства Антония в 1226 г. и оперирует лишь общими датами 6731 и 6733 гг. Семи лет здесь никак не получается.

Таким образом, мы устанавливаем, что начало второго архиепископства Митрофана относится не к 1219 г., а к 17 марта 1220 г. События, предшествовавшие поставлению Митрофана, особенно важны для нас, поскольку они определяют тот срок, когда новгородская кафедра стала вакантной после Антония. Новгородская первая летопись излагает их под 6727 г. следующим образом: «Того же лета иде князь Всеволод с новгородци к Пертуеву и усретоша сторожев Немци, Литва, Либь, и бишася; и пособи бог новгородцом, и идоша под город и стояша 2 недели, не взяша города; и приидоша здрави вси. Того же лета иде Антонии архи-

²⁷ *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания, с. 260—261.

²⁸ НПЛ, с. 22, 30, 31, 38, 40, 207, 217, 219, 229, 232.

²⁹ Там же, с. 61, 263.

епископ повгородчкий на Торжок; повгородци же введоша архиепископа Митрофана на двор опять на стол, а ко Овтонию послаша „пойди, где ти любо“. Антонию же поиде в Повъгород к святому Спасу в Нередицах. Князь и повгородци ркоша Митрофану и Онтону: „идита к митрополиту, да коего нам послеть, то нам владыка“, и пустиша с ними Васьяна священнопока, а другаго священника Бориса. И паки приидоша от Пертуя, вдаша посадничество Твердиславу, Якуну тысячкое». ³⁰ Здесь нет календарных дат, однако Н. Г. Бережков установил на основании хроники Геприха Латвийского, что поход к Пертуеву, во время которого произошло отстранение Антония от кафедры, состоялся ранней осенью в 20-м году правления Альберта, т. е. в 1218 г. ³¹

Проверим эту дату иным способом. Летописный рассказ-хроника определяет продолжительность занятия Антонием повгородской кафедры в первое его архиепископство в 8 лет. Это значит, если изложенные выше наблюдения справедливы, что он стал владыкой в 1210 г. Его первое избрание описано в НПЛ под 6719 г., будучи приурочено к концу января, т. е. формально к 1212 г.: «Того же лета на зиму, месяца генваря в 22, на память святого отца Климена и святого Тимофея и преподобномученика Анастасия Персянина, и злодеи испърва не хотя добра, зависть вложи людем на архиепископа Митрофана с князем Мъстиславом, и не даша ему правитися и ведоша и в Торопецъ; он же то прия с радостию, яко Иоан Златоустыи и Григории Акраганьскыи, тую же въсприят скорбь и печаль, славя и благодаря бога. Тогда же бяше пришел, прежде изгнания Митрофаня архиепископа, Добрыня Ядрейковиць из Цесаряграда и привезе с собою гроб господень, и сам пострижеса на Хутине у святого Спаса; и волею божиею възлюбил и князь Мъстислав и вси повгородци, и послаша и в Русь ставитися; и прииде поставлен архиепископ Антоний и створи полату Митрофаню церковь в имя святого Антониа». ³²

Статья 6719 г. в НПЛ была проанализирована Н. Г. Бережковым, который пришел к основательному выводу: «Она излагает события года, следовавшего за тем, в конце которого Мстислав занял новгородский стол, т. е. 6717 (1209/10) мартовского, но не полностью: по невыясненной причине сообщения о двух походах Мстислава на чудь, состоявшихся в этом году, выделены в следующую очередную статью, под 6720 г.». ³³ Таким образом, переход кафедры от Митрофана к Антонию состоялся в 1210 г.

Можно также привлечь к подтверждению этой даты указание реестра «А се архиепископы» на 11-летний срок первого архиепископства Митрофана. ³⁴ Действительно, предшественник Митрофана

³⁰ Там же, с. 59—60.

³¹ *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания, с. 260.

³² НПЛ, с. 52, 250.

³³ НПЛ, с. 256.

³⁴ НПЛ, с. 473.

Мартирий умер 24 августа 1199 г., и тогда же был введен на сени Митрофан,³⁵ остававшийся затем на владычестве до 1210 г., т. е. как раз 11 лет. Хотя, как уже показано, этот реестр является результатом обработки летописного рассказа, он применительно к рассматриваемому случаю обнаруживает независимость, поскольку между 6707 г., когда Митрофан был введен на сени, и показанной в летописи датой его изгнания (6719 г.) — 12 лет, а между датой поставления Митрофана (3 июля 6709 г.) и той же датой его изгнания (6719 г.) — 10 лет.

Рассмотренные материалы позволяют еще раз подкрепить общий вывод Н. Г. Бережкова о том, что «групица статей Новгородской I летописи, излагающая события восемнадцатилетнего промежутка, с 6713 (1205/6) по 6730 (1222/3) г., отличается очень большой неправильностью, непоследовательностью в обозначении годов».³⁶ В другой статье я показал, что такая непоследовательность начинается даже годом раньше — в статье 6712 г. НПЛ младшего извода.³⁷ Здесь отмечу, что неправильность употребления дат усугубляется тем, что, как теперь установлено, статья 6728 г. дана по мартовскому стилю, хотя она находится в окружении статей, основывающихся на ультрамартовском цикле. Эта особенность НПЛ, проявляющаяся с 6712 г., указывает на важный стык между доведенным до 6712 г. «Временником», главным источником НПЛ, и иной летописью, использованной для продолжения погодного рассказа.

Возвращаясь к исходному, хотя и побочному сюжету, отмечу, что в результате изложенных наблюдений устанавливается, что во времена владимирского епископства Симона новгородская кафедра была вакантной после Антония на протяжении полутора лет — с осени 1218 г. до 17 марта 1220 г., точнее, до митрополитского решения, состоявшегося незадолго до прихода Митрофана в Новгород. Именно в этот промежуток времени, вероятнее всего в 1219 г., было написано послание Симона Поликарпу, фиксирующее и одновременную вакантность смоленской кафедры после Лазаря. Следовательно, датировать епископство Лазаря нужно первой четвертью XIII в., до 1219 г. Не исключено, что летописное известие 1206 г. имеет в виду именно Лазаря, а отнюдь не Игнатия.

Надо коснуться еще одного немаловажного сюжета. Еще в середине XII в., после смерти Нифонта, новгородцы добились важного конституционного права выбирать епископов из среды новгородского духовенства. Обязательная хиротония у митрополита избранного по жребию в Новгороде владыки не противоречит этому праву, лишь регулирует его в рамках церковного правопорядка. В 1218—1219 гг. сложилась исключительная ситуация,

³⁵ Там же, с. 44, 238.

³⁶ *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания, с. 247.

³⁷ *Янин В. Л.* К вопросу о роли Синодального списка Новгородской I летописи в русском летописании XV в. — В кн.: Летописи и хроники, 1980 г. М., 1981, с. 175.

когда митрополиту предстояло выбрать самому из двух уже хиротонисанных ранее архиепископов. Но даже в этой ситуации в силу сложившегося порядка не могло, по-видимому, идти речи о пренебрежении со стороны митрополита той альтернативой, которая была предложена ему новгородцами. Митрополит мог выбирать только между Антонием и Митрофаном, а не заменить их сторонним Новгороду кандидатом. Поэтому намерение Верхуслavy добиваться повгородской кафедры для печерского черноризца Поликарпа кажется по меньшей мере необычным. Попробуем оценить ее возможности.

После смерти Всеволода Большое Гнездо и особенно после Липицкой битвы 1216 г. на Руси на протяжении нескольких лет сложилась такая обстановка, в которой суздальские князья, принимавшие прежде самое активное участие в общерусских делах, оказались связанными борьбой за наследие Всеволода. В 1218—1220 гг. наиболее сильной княжеской группировкой были смоленские князья, потомки и наследники Ростислава Мстиславича. Внук Ростислава Мстислав Романович Старый с 1213 г. занимал киевский стол, сохраняя его до гибели от татар после битвы на Калке в 1224 г. С 1217 по 1218 г. в Новгороде княжил его сын Святослав, а с 1218 по 1221 г. — другой его сын Всеволод. Смоленские князья в это время, по-видимому, владели и Черниговом. В 1211 г. сын Ростислава Мстиславича Рюрик уступил Киев Всеволоду Чермному, а сам сел на черниговское княжение.³⁸ В Чернигове он и умер в 1215 г.³⁹ Но в Чернигове в 1218 г. умер и его сын Ростислав Рюрикович,⁴⁰ замужем за которым была Верхуслава. Таким образом, принадлежа к семейству Ростиславичей, Верхуслава могла распространять свое влияние и на Киев, и на Смоленск, и на Новгород, и на Чернигов. Последнее обстоятельство достаточно важно, коль скоро юрьевская епархия находилась в политической орбите Черниговского княжества: в 1142 г. Юрьев был дан черниговским князем Всеволодом Ольговичем, занимавшим тогда киевский стол, брату Игорю Ольговичу.⁴¹ Но Верхуслава была также дочерью Всеволода Большое Гнездо и, следовательно, родной сестрой борющихся за суздальское наследство сыновей Всеволода. Ее исключительное положение в системе русского княжеского дома рассматриваемого времени очевидно.

Не менее очевидны и попытки княживших в Новгороде смоленских князей Святослава и Всеволода Мстиславичей утвердить новгородский княжеский стол за счет республиканских завоеваний боярства. В январе 1218 г. князь Святослав пытался отнять посадиничество у Твердислава «без вины» только на том основании, что не мог «быти с Твердиславом».⁴² Расправиться с Твердиславом удалось Всеволоду в 1221 г., но и на этот раз «вложи князю

³⁸ ПСРЛ, т. 1, вып. 2, стб. 435.

³⁹ Там же, стб. 438.

⁴⁰ ПСРЛ, СПб., 1843, т. 2, с. 334.

⁴¹ ПСРЛ, СПб., 1908, т. 2, стб. 312.

⁴² НПЛ, с. 59, 260.

грех в сердце, гнев до Твердислава без вины».⁴³ Впрочем, сам летописец в рассказе предшествующего года обозначил вину Твердислава — сношения с суздальскими князьями Юрием и Ярославом Всеволодовичами.⁴⁴ И действия Мстиславичей, и намерения Верхуслavy представляются, таким образом, проявлениями попытки княжеского наступления на боярские свободы Новгорода в условиях, когда общеполитическая обстановка на Руси создала особые преимущества для смоленских Ростиславичей.

Возвращаясь к найденной в Новгороде булле, отмечу, что до сих пор сфрагистика смоленских епископов домонгольской поры была представлена только двумя печатями епископа Мануила из собрания Н. П. Лихачева. Одна из них — неизвестного происхождения; другая куплена на аукционе из собрания, составленного в Стамбуле.⁴⁵

---

⁴³ Там же, с. 60, 261—262.

⁴⁴ Там же, с. 59, 260.

⁴⁵ Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. М., 1970, т. I, с. 178, № 63.